

Изъ дневника русской въ Турціи передъ войной 1877—1878 г.г.

ІІ часть.

Глава І.

покинула родину въ ту знаменательную эпоху, когда увлеченіе Писаревымъ, Добролюбовымъ, Чернышевскимъ туманило головы старому и малому, а нигилизмъ властно правилъ умами и сердцами нашей интеллигенціи — всѣ тогда хотѣли рѣзать лягушекъ и бредили Базаровымъ.

Даже въ такое закрытое заведеніе, какъ нашъ Патриотическій Институтъ благородныхъ дѣвицъ, проникало модное настроеніе: бывало, минуя неусыпный надзоръ классныхъ дамъ, мы ухитрялись по ночамъ, въ ущербъ отдыху, читать запрещенныя книги, попадавшія къ намъ въ руки черезъ кузеновъ и братьевъ, навѣщавшихъ насъ въ пріемные дни, и ужасно боялись сознаться другъ другу, что А. Дюма или Е. Сю были куда интереснѣе вышеназванныхъ кумировъ того сумбурнаго времени.

Пишущая эти строки подверглась однажды жестокому гоненію со стороны подругъ за откровенно высказанное предпочтеніе Монте-Кристо и д'Артаньяна не поэтическому Базарову.

Когда я пріѣхала въ Турцію и достаточно ознакомилась съ міровоззрѣніемъ окружающихъ, то убѣдилась, что попала въ другую сферу бытія: все, волновавшее насъ тогда и казавшееся намъ очень важнымъ, не имѣло здѣсь мѣста.

Наше русское общество, на примѣръ, всегда удѣляло очень мало вниманія ходу міровыхъ событій, а въ сказанное время еще того

менѣе, всецѣло погруженное въ метафизическія размышленія о всеобщемъ блаженствѣ и равенствѣ.

Тамъ же, напротивъ, дышатъ и живутъ интересомъ къ внѣшней политикѣ государства, связывая съ ней реальное представленіе о насущныхъ потребностяхъ жизни. Капитальнѣйшій вопросъ для каждаго обитателя Имперіи Османовъ это: чье вліяніе беретъ верхъ—Англии, „Московіи“ или еще кого?

Принято думать, что разнообразное, какъ мозаика, народонаселеніе странъ полумѣсяца все поголовно стонетъ подъ игомъ восточнаго деспотизма и тиранніи. Но какъ далеко отъ правды подобное заблужденіе! Я не говорю сейчасъ о вассальныхъ племенахъ Балканскаго полуострова—то сюда не относится, такъ какъ существующій надъ ними гнетъ обусловленъ не столько суверенными правами султана, сколько недобросовѣстной политикой Австріи, упорно расчищающей путь черезъ головы славянъ къ Средиземному морю для побѣдоносной колесницы Германіи.

Рѣчь идетъ о коренной Турціи, уже давно экономически порабожденной пришлымъ элементомъ, а извѣстно, что настоящій хозяинъ страны тотъ, у кого деньги въ карманѣ. Турокъ же не имѣетъ даже матеріала для чеканки размѣнной монеты, какъ оно и было въ 1875 и послѣдующихъ годахъ, когда снимали крыши съ построекъ древнѣйшихъ эпохъ и отправляли ихъ въ плавильные котлы.

Воображеніе рисуетъ намъ всегда этотъ мистическій Востокъ въ розовыхъ лучахъ сказокъ Шехерезады; но дѣйствительность далеко расходится съ фантазіей. Болѣе всего меня поражало убожество и обнищаніе турецкаго народа, тогда какъ рядомъ съ нимъ я видѣла торжествующаго богача-иноземца, о которомъ Европа проливаетъ горькія слезы.

Греки, армяне, евреи и западные авантюристы—вотъ кто управляетъ домомъ гордаго османа и распоряжается его судьбами. Отсюда легко видѣть, какое глубокое значеніе имѣетъ для этихъ людей политика „вліяній“ на берегахъ Босфора.

Приморскіе города Анатолиіи и всѣ острова Эгейскаго Архипелага по преимуществу заселены греками. Вся торговля въ ихъ рукахъ, и они справедливо считаютъ себя господами положенія, что не мѣшаетъ имъ въ то же время жаловаться на притѣсненія турецкаго режима.

Ни одна нація въ мірѣ, что исторически извѣстно, не пережила такого полнаго вырожденія, какъ эллинская. Отъ великаго прошлаго у нея ничего не осталось: искусства и науки сдѣлались достояніемъ другихъ; сладкозвучный языкъ Гомера замѣненъ какимъ-то нелѣ-

пымъ жаргономъ; античная красота типа исчезла, и среди потомковъ классическаго народа всего менѣе можно найти прелестныхъ Париса и Елепу, благополучно сбѣжавшихъ во французскую оперетку.

Однимъ словомъ, современный грекъ ни единой чертой своего характера и наружности не напоминаетъ гражданина древней Эллады.

Что же касается бытовыхъ особенностей и привычекъ жизни греческой расы, то я уже достаточно рассказала о нихъ въ первой части настоящихъ воспоминаній, а потому перехожу сейчасъ къ другому предмету, не лишенному интереса для каждаго, исповѣдующаго православную вѣру.

Врядъ ли всѣ въ Россіи знаютъ, что по дѣламъ религіи мы находимся въ большомъ подозрѣніи у нашихъ духовныхъ просвѣтителей, которые не стѣсняются даже называть насъ схизматиками за отступленія въ нѣкоторыхъ мелочахъ отъ буквы преданій Восточной Церкви.

Такъ, напримѣръ, наше партесное пѣніе вмѣсто гнусаваго унисона, принятаго у нихъ, разсматривается, какъ нарушеніе устава и подраженіе латинскому богослуженію.

Въ греческихъ храмахъ на Востокѣ не принято, чтобы женщины находились внизу вмѣстѣ съ мужчинами въ то время, когда идетъ служба: имъ опредѣлено молиться на хорахъ, а если таковыхъ не имѣется въ маленькихъ и бѣдныхъ церквахъ, то ставятся рѣшетки для раздѣленія прихожанъ отъ прихожанокъ.

Наши порядки въ этомъ отношеніи очень не нравятся грекамъ, какъ не соотвѣтствующіе, якобы, византійскимъ традиціямъ.

Но что особенно заслуживаетъ быть отмѣченнымъ, такъ это слѣдующее. Въ первое же воскресенье моего пріѣзда въ Хіосъ, я отправилась въ каедральный соборъ. Меня проводили наверхъ и указали мѣсто въ первомъ ряду очень удобно устроенныхъ сидѣній, расположенныхъ амфитеатромъ по всѣмъ хорамъ. Такія же точно скамьи имѣются и внизу для мужчинъ, предпочитающихъ удобства сидячаго положенія изнурительному стоянію на ногахъ, съ чѣмъ, конечно, нельзя не согласиться и что, какъ мнѣ объяснили, нисколько не противорѣчитъ духу постановленій нашей религіи. Только неизвѣстно, въ силу какихъ правилъ и законовъ эти люди, обвиняя насъ въ измѣнѣ православію, ведутъ себя въ храмахъ такъ, что приходилось, бывало, краснѣть за нихъ передъ другими національностями? Но объ этомъ немного ниже, а сейчасъ такая сценка. Когда зашѣли Херувимскую, я опустилась на колѣни. И вдругъ произошло нѣчто весьма странное: вокругъ меня слыша-

лись возгласы негодованія, очевидно направленные по моему адресу. Что такое? Что случилось? оглядываюсь и ничего не понимаю! Дамы волнуются и обдаютъ меня раздраженными взглядами.

Шумъ, производимый ими, привлекаетъ вниманіе сидящихъ внизу. Даже митрополитъ, вышедшій со Св. Дарами, поднимаетъ голову и съ удивленіемъ смотритъ наверхъ — скандалъ по всей формѣ!

Наконецъ, одна изъ гречанокъ приближается ко мнѣ и, не скрывая злорадной усмѣшки, внушительно говоритъ: „Не соблазняйте православныхъ — встаньте! здѣсь не католическая, а „христіанская“ церковь“... Тогда, къ величайшему моему изумленію, оказалось, что якобы по указаніямъ Святыхъ Отцовъ, колѣнопреклоненіе допускается только одинъ разъ въ году, а именно: въ день праздника Сошествія Св. Духа.

Хотя, безъ сомнѣнія, предметъ столь высокой важности, какъ разногласія по вопросамъ религіи, хорошо знакомъ нашимъ ученымъ богословамъ, и приведенные здѣсь факты могли бы оказаться съ ихъ компетентной точки зрѣнія неправильно освѣщенными; но то, что я передаю на этихъ страницахъ, было записано мною тогда же подъ свѣжимъ и яркимъ впечатлѣніемъ происходившаго, и чему приходилось быть живой и непосредственной свидѣтельницей.

Греки считаютъ себя единственными охранителями истиннаго православія, и вѣра эта въ собственную непогрѣшимость переходитъ у нихъ въ ненависть и фанатизмъ даже по отношенію тѣхъ народностей, которыя исповѣдуютъ общую съ ними религію.

Все ихъ благочестіе выражается только во внѣшнихъ формахъ обрядностей и больше ровно ни въ чемъ.

Мнѣ случалось наблюдать съ хоръ, какъ вели себя прихожане во время богослуженія, и это казалось чѣмъ-то невѣроятнымъ! Мужчины, входя, забывали нерѣдко снимать шапки съ головъ и, шумно прохаживаясь туда и сюда или же усаживаясь компаніей на скамьяхъ, предавались оживленной бесѣдѣ, сопровождаемой громкимъ, раскатистымъ смѣхомъ — однимъ словомъ, въ толпѣ молящихся русскій человѣкъ не замѣтилъ бы и тѣни той благоговѣйной тишины и того молитвеннаго настроенія, которыя царятъ въ нашихъ храмахъ.

Къ сожалѣнію, о греческомъ духовенствѣ при всемъ добромъ желаніи никакъ нельзя сказать, чтобы оно стояло на должной высотѣ своего призванія. Я не намѣрена вдаваться въ подробный анализъ причины такому явленію, а постараюсь ограничиться нѣсколькими примѣрами, въ достаточной мѣрѣ характеризующими

нашихъ „воспріемниковъ отъ купели“, какъ любятъ называть себя греки, чуть дѣло коснется Россіи.

Но прежде чѣмъ начать разсказъ, еще одна подробность. Въ греческой церкви нѣтъ епископовъ и архіепископовъ, какъ у насъ: имъ соотвѣтствуютъ по сану митрополиты. Послѣдніе, за немногими исключеніями, люди случая и бакшиша, который, однако, не попадаетъ въ турецкій карманъ—здѣсь онъ ни при чемъ, такъ какъ для этого имѣются при патріархіяхъ дѣльцы, дающіе ему другое назначеніе...

Въ своихъ епархіяхъ митрополиты самостоятельны и посвящаютъ въ іерархи кого имъ угодно по собственному усмотрѣнію.

Былъ такой случай. При конторѣ нашего русскаго агентства служилъ перевозчикомъ грузовъ на пароходы нѣкто Сидери, грубый, невѣжественный паренъ и къ тому же совершенно неграмотный. Въ одинъ прекрасный день онъ вдругъ исчезъ куда-то, и о немъ нѣсколько недѣль не было слышно. Однажды мы, т. е. дядя, тетя, братъ послѣдней съ женой, пріѣхавшіе изъ Франціи погостить у насъ и я, отправились кавалькадой въ долины розъ, чтобы взглянуть на выдѣлку масла и заказать нѣсколько флаконовъ для себя.

По дорогѣ намъ повстрѣчался Сидери верхомъ на осликѣ и къ величайшему нашему изумленію въ одеждѣ священника съ камиллавкой на головѣ, но грязный, растрепанный, въ шлепающихъ туфляхъ на босую ногу.

— Сидери, что за маскарадъ?—крикнулъ ему дядя,—гдѣ ты пропадалъ до сихъ поръ, бездѣльникъ?

— Господинъ, — важно и съ апломбомъ возразилъ послѣдній,—имѣйте въ виду, что вы говорите въ данную минуту съ лицомъ духовнаго сана.

— О, не можетъ того быть! — съ негодованіемъ отозвалась Магіе,—объясни, пожалуйста, какъ же это случилось?

— Очень просто,—смѣясь, отвѣтилъ нахаль,—я далъ Владыкѣ 60 золотыхъ—вотъ вамъ и все—такъ и знайте!

Французскіе родственники, не понимая по-гречески, тѣмъ не менѣе съ явнымъ любопытствомъ разсматривали неряшливую фигуру, какъ бы проводя параллель между своими благообразными, щеголеватыми кюре и „православнымъ священникомъ“.

Тогда мнѣ стало больно и стыдно передъ иностранцами и, не помня себя, я вскрикнула:

— Да какъ ты еще смѣешь, чучело гороховое, называться такимъ священнымъ именемъ—взгляни только на себя...

— Не ругайтесь, барышня, — нагло улыбаясь, перебилъ Сидери,—куда ни шло, я не пожалѣю еще двадцати лиръ, а непре-

мѣнно упрошу владыку назначить меня вашимъ исповѣдникомъ — тогда и поговоримъ иначе!..

Съ этими словами онъ погрозилъ пальцемъ и, ударивъ осла по бокамъ, отъѣхалъ прочь.

Сидери вовсе не являлъ собою какого-либо исключенія въ сферахъ греческаго духовенства на Востокѣ: онъ былъ не хуже и не лучше другихъ. Отсюда понятно, что такіе священнослужители не могутъ благотворно вліять на паству.

Нигдѣ, кажется, наша поговорка „каковъ попъ, таковъ и приходъ“ не имѣетъ столь нагляднаго и живого воплощенія, какъ въ греческой церкви.

Выше уже рассказано мною о поведеніи прихожанъ въ храмахъ; но какимъ образомъ могъ бы установиться иной порядокъ вещей, если само духовенство относится съ полнымъ пренебреженіемъ къ святому дѣлу.

Богослуженіе совершается обыкновенно безъ всякаго благолѣпія и религіознаго настроенія. Всѣ важнѣйшія молитвы не исполняются пѣвчими, какъ у насъ, а читаются на клиросахъ кое-какъ и съ глотаніемъ словъ; священники и дьяконы, вродѣ только что описаннаго субъекта, путаютъ возгласы и сбиваются въ ектеніяхъ, пропуская очень многое, а то еще лучше — случилось и это — затѣютъ ссоры и перебранки въ алтарѣ или же на выходахъ со Св. Дарами, и въ воздухѣ, бывало, носится гулъ отъ выкриковъ церковно-служителей и множества голосовъ непринужденно бесѣдующихъ богомольцевъ.

Сколько разъ съ высоты хоръ кафедральнаго собора въ Хіосѣ приходилось мнѣ наблюдать такія дѣйствія пастырей главенствующей Церкви и созерцать такую картину. На пышномъ тронѣ, подъ сѣнью бархатнаго навѣса въ роскошныхъ, парадныхъ ризахъ воссѣдаетъ самъ владыка-митрополитъ. Его окружаетъ свита іереевъ и другихъ чиновъ причта.

Всѣ они чрезвычайно неряшливо одѣты и напоминаютъ собою того же Сидери. Но и блескъ архипастырскаго облика нечто иное, какъ иллюзія: вотъ кончится служба, владыко сниметъ золотое облаченіе и окажется также въ засаленной рясѣ, нечесанный и въ изношенныхъ туфляхъ безъ задковъ. Въ Турціи, гдѣ населеніе такъ разнообразно, греческое духовенство всегда служило предметомъ нелестныхъ сравненій съ представителями другихъ вѣроисповѣданій.

Но пора, однако, вернуться къ прерванному очерку, который лучше всякихъ комментаріевъ характеризуетъ мѣстные нравы на-

шихъ просвѣтителейъ отъ тьмы языческой и воспріемниковъ во святомъ крещеніи.

— Эй, вы, вороны, чего зѣваете! вотъ я васъ по лохматымъ затылкамъ, — стучить посохомъ митрополитъ на священниковъ, стоящихъ у подножія его трона для декораціи, — маршъ со сборомъ и живо у меня!

— Босоногая команда, бери тарелки! — уже по адресу клирошанъ гудить могучій басъ.

И вслѣдъ затѣмъ по всему храму тянется длинная, предлинная вереница людей съ огромнѣйшими, круглыми подносами и колокольчиками въ рукахъ, назойливо приставаая къ богомольцамъ пожертвовать хоть сколько-нибудь, а то преосвященнѣйшій будетъ, молъ, гнѣваться.

— Ты, что тамъ бормочешь, растрепа? — разноситъ владыка дьякона, вышедшаго на сугубую ектенію, — говорилъ: задолби на память—не выучилъ? Пошелъ на клиросъ! сними орарь, болванъ! задамъ же я тебѣ, погоди только!

И молитвословіе остается незаконченнымъ, а пѣвчіе уже по собственной инициативѣ продолжаютъ гнусавить, кто въ лѣсъ, кто по дрова: „Господи, помилуй“ и „Подай, Господи“.

— Ну, довольно! — останавливаетъ ихъ строгій архипастырь и, вкусно зѣвнувъ, окликаетъ священнодѣйствующаго въ алтарѣ:

— Заснулъ что ли тамъ? не затягивай службы — я еще кофею не пилъ! Читай скорѣе—чего мямлишь!

И въ церкви идетъ невыразимая безтолковщина и толчея...

Единственно, что дѣлается у нихъ со вниманіемъ и съ величайшимъ усердіемъ, такъ это сборъ денегъ съ прихожанъ черезъ каждыя 5 минутъ и поминовеніе усопшихъ нѣсколько разъ во время литургіи.

Обыкновенно бывало даже такъ, что присутствующій митрополитъ, не принимая участія въ отправленіи богослуженія, тѣмъ не менѣе выходилъ собственной персоной на амвонъ и читалъ по записочкамъ имена громко, не торопясь и чрезвычайно отчетливо.

Столь трогательное отношеніе къ памяти умершихъ имѣеть своимъ оправданіемъ только интересы кармана. Да и, вообще, исполненіемъ требъ греческое духовенство не тяготится; но зато на немъ лежитъ такая повинность, за избавленіе отъ которой оно само съ радостью заплатило бы сколько угодно, да не имѣется на то никакихъ шансовъ. Дѣло заключается въ слѣдующемъ.

Эллинскіе выходцы, населяющіе Оттоманскую державу и владѣющіе собственностью, считаются подданными турецкаго правительства. По требованію закона въ ихъ церквахъ молятся за цар-

ствующаго султана — этимъ актомъ констатируются его верховныя и суверенныя права по отношенію тѣхъ народовъ, которые вошли въ составъ государства.

На Великомъ выходѣ православной литургіи имя монарха-мусульманина возглашается первымъ и въ такой формѣ: „Повелителя правовѣрныхъ и нашего властелина, великаго падишаха такого-то да помянетъ Господь во Царствіи Своемъ“. Тотъ же порядокъ соблюдается на ектеніяхъ и молебнахъ.

Что же касается короля Греціи и его семьи, то оффиціальное моленіе за нихъ не разрѣшается.

Такое принужденіе несказанно раздражаетъ и озлобляетъ грековъ противъ турокъ, такъ какъ, по ихъ религіознымъ мнѣніямъ, молиться за исламита, врага христіанства, грѣшно и позорно; но переходить добровольно въ подданство этому самому исламиту для достиженія извѣстныхъ преимуществъ и богатѣть въ его странѣ — похвально и очень умно.

Такимъ образомъ, изъ описаннаго выше можно видѣть, что основной чертой эллинской націи является полная нетерпимость къ вѣрованіямъ другихъ, тогда какъ отвращеніе турокъ къ христіанамъ едва замѣтно.

Греки, напримѣръ, ненавидятъ своихъ же православныхъ собратьевъ, болгаръ, интенсивнѣе, чѣмъ даже башибузуки послѣднихъ. Презирая мусульманъ, они въ то же время по многимъ привычкамъ жизни очень близки къ нимъ.

Однако, мнѣ и самой становится непріятно все время говорить только объ отрицательныхъ и отталкивающихъ качествахъ того народа, изъ рукъ котораго мы получили свѣтильникъ вѣры и просвѣщенія, тѣмъ болѣе, что въ моихъ жилахъ течетъ капля эллинской крови, такъ какъ дѣдъ мой по матери былъ уроженецъ Аѳинъ, переселился оттуда въ Одессу и женился на русской. Я хочу сказать нѣсколько словъ объ одной изъ лучшихъ сторонъ душевнаго склада этой расы, подарившей міру удивительную цивилизацію. Но не по античной культурѣ тоскуетъ современный грекъ — ему она чужда теперь — вся его гордость и заносчивость лишь замаскированная форма отчаянія и неутѣшный плачь о древней Византіи, съ паденіемъ которой онъ потерялъ міровое значеніе и такъ глубоко опустился въ ничтожество. И все-таки, не взирая на превратности судьбы и горькое униженіе, греки сохранили инстинктъ героическаго племени, безумно любятъ свою Элладу и лелѣютъ радужную мечту вернуть себѣ наслѣдіе Палеологовъ.

Въ каждой семьѣ, даже тѣхъ, которые подвластны Оттоманской Портѣ, я видѣла портреты короля Георга и его семьи — это счи-

тается у нихъ эмблемой „своей собственной христіанской династїи“.

На Востокъ распространена легенда, что въ древній Царьградъ придетъ „Константинъ“ и сниметъ, наконецъ, съ Айя-Софіи золотой полумѣсяцъ. И вотъ, когда у короля Георга родился наследникъ, то, по желанію націи, ему дали это знаменательное имя.

Справедливость требуетъ сказать, что если когда-либо фортуна улыбнется эллинскому народу, и явится хотя малѣйшая тѣнь на осуществленіе его надеждъ, то не окажется тогда тѣхъ жертвъ, которыя не будутъ принесены на алтарь высокаго патріотизма.

Такія чувства невольно трогаютъ и чаруютъ, а потому многое хочется простить нашимъ воспріемникамъ отъ купели.

Но такъ какъ раньше уже сказано, что обрядность и внѣшнее благочестіе имѣютъ преобладающее значеніе въ греческой церкви, то очеркъ не будетъ законченъ, если я не опишу одну изъ религіозныхъ церемоній, о чемъ въ слѣдующей главѣ.

Г л а в а II.

Святки приближались къ концу. Время шло скучно и уныло, такъ какъ общественной жизни на патріархальномъ островѣ не существуетъ.

Прекрасный бей по-прежнему избѣгалъ встрѣчъ со мной, и я стала уже привыкать къ мысли, что счастье мое было только миражемъ или волшебнымъ сномъ, отъ котораго надо же было когда-нибудь пробудиться. Съ нетерпѣніемъ ожидала я предполагаемой нами поѣздки въ Смирну, гдѣ наступали веселые дни карнавала, надѣясь въ шумѣ веселой суматохи маскарадовъ и баловъ найти забвеніе невозвратно минувшаго; но образъ его, плѣнительный, какъ мечта, продолжалъ носиться надъ всѣмъ моимъ существомъ.

Утромъ 6-го января я не попала къ обѣднѣ, и меня разбудили, когда духовная процессія уже вышла изъ собора и направлялась къ „Иордани“, устроенной на пристани.

Зрѣлище религіозной церемоніи было полно для меня оригинальной новизны и удивительнаго контраста, такъ какъ все происходило не на фонѣ зимняго пейзажа нашего суроваго климата, а подъ синимъ шатромъ горячаго неба на классической почвѣ, у голубой воды Эгейскаго моря. Городъ и рейдъ приняли чудный видъ: наряженные въ яркіе цвѣта толпы народа заняли всѣ улицы и склоны холмовъ, убранныхъ пышною зеленью масличныхъ рощъ. Дома украсились коврами и драпировками. На волнахъ качается цѣлый

лѣсъ мачтъ подъ синимъ съ бѣлымъ коммерческимъ флагомъ Греціи. Легіоны баржъ, лодокъ, каяковъ, наполненныхъ живымъ грузомъ полуобнаженныхъ мужчинъ, чающихъ окунуться послѣ водосвятія въ морскую глубину, придвинулись сплошной массой поближе къ мосткамъ, на которыхъ, утопая въ гирляндахъ живыхъ цвѣтовъ, отгорожено мѣсто для совершенія обряда — вотъ картина, которой люблюсь я съ крыши, и въ знойныхъ лучахъ полуденнаго солнца она кажется прямо великолѣпной....

У грековъ, также какъ и у турокъ, всякое торжество обязательно сопровождается грохотомъ выстрѣловъ и пусканіемъ ракетъ не только вверхъ, но, глядя по фантазіи, даже въ самую гущу толпы, при чемъ публика нисколько не возмущается и не боится за свою физиономію, считая все это въ порядкѣ вещей.

Наконецъ, трескучіе залпы возвѣстили, что шествіе приближается. Ракеты зашипѣли по всѣмъ направленіямъ; одна изъ нихъ досталась и на мою долю; но какимъ-то чудомъ не выжгла мнѣ глазъ, мелькнувъ огненной змѣйкой у самого лица—видимо хотѣли очень мило пошутить со мной....

Вдоль набережной двигалась вереница духовенства въ парадномъ облаченіи съ митрополитомъ во главѣ и сопровождаемая турецкой стражей, всегда обязательно присутствующей на всѣхъ христіанскихъ торжествахъ для наблюденія за порядкомъ. Многочисленный хоръ голосовъ пѣлъ въ носъ молитвы; изъ оконъ всѣхъ этажей, съ балконовъ и крышъ бросаютъ цвѣты; по откосамъ высокихъ холмовъ течетъ навстрѣчу бурный потокъ людей, а воздухъ дрожитъ отъ хаоса звуковъ, сливаясь съ шумомъ прибоя.

Но вотъ колонна процессіи повернула къ пристани и взошла на мостки. Началось богослуженіе. Толпа сразу стихла, и наступила минута благоговѣйнаго молчанія. Глаза всѣхъ устремились туда, гдѣ совершалось освященіе бирюзовой воды Эгейскаго моря.

Какъ вдругъ произошло что-то невѣроятно дикое и целѣное, по крайней мѣрѣ для меня, еще не вполне освѣдомленной тогда о мѣстныхъ нравахъ православной церкви: владыко, благословивъ народъ, приблизился къ краю мостика и широкимъ размахомъ руки бросилъ крестъ въ глубину волнъ — Св. Распятіе, блеснувъ на мгновеніе въ лучѣ солнца, погрузилось на дно. Все колыхнулось, заметалось, какъ будто бы проносился вихрь урагана, и атмосфера наполнилась оглушительнымъ ревомъ. Бѣшенымъ прыжкомъ, опрокидывая лодки, полетѣли за борта оголенные люди и скрылись подъ водой.

Тогда развернулась картина настоящаго состязанія на призы— иначе никакъ нельзя было назвать того, что послѣдовало за тѣмъ. Но я должна объяснить, наконецъ, что именно озадачило меня,

такъ какъ извѣстно, что и у насъ въ день праздника Богоявленія окунаются съ головой даже въ проруби замерзшихъ рѣкъ и прудовъ, какъ, на примѣръ, крестьяне въ провинціяхъ.

Здѣсь разница въ томъ, что русскій человѣкъ, принимая добровольно ледяную ванну, руководится въ данномъ случаѣ только глубокой вѣрой въ чудодѣйственную силу крещенской воды. У нашихъ же цивилизаторовъ выходитъ совсѣмъ другое.

Несомнѣнно, что обычай купаться послѣ водосвятія существуетъ съ древнихъ эпохъ христіанства: у византійцевъ, согласно историческимъ свѣдѣніямъ, такое чисто символическое дѣйствіе уже приняло форму азарта, и поднявшій со дна крестъ становился героемъ дня, а современный намъ элинь устроилъ изъ этого не только спортъ, но и предметъ спекуляціи. И вотъ что произошло на моихъ глазахъ въ сказанный день, 6-го января.

Греки безусловно великолѣпные пловцы, и море—ихъ стихія. Съ высоты крыши всѣ эти ныряющія и всилывающія на поверхность тѣла напоминали стадо дельфиновъ, перегоняющихъ другъ друга. При каждомъ взмахѣ рукъ надъ водою сверкало лезвіе ножа или кинжала, и ясно было, что дѣло шло къ смертному бою. Вдругъ болѣзненный стонъ отразился въ воздухѣ, и на гребень волны выбросился побѣдитель, держа въ зубахъ ножъ, а въ судорожно вытянутой рукѣ доставшійся ему драгоцѣнный призъ. Затѣмъ еще моментъ, и другая волна вынесла на себѣ окровавленный трупъ какого-то молодого человѣка и покатила съ нимъ къ берегу.

А къ тому времени триумфаторъ уже выбрался изъ воды на пристань и, отряхиваясь, переодѣвался въ сухое платье. Бурное „zito“ несло къ нему со всѣхъ сторонъ; но герой отклонилъ чествованіе и потребовалъ отъ публики кое-чего болѣе осязательнаго, чѣмъ платоническихъ изліяній восторга.

Выразительнымъ жестомъ онъ предложилъ окружающимъ исполнить долгъ христіанскаго благочестія.

Тогда поднялась ужасная толча, такъ какъ всѣмъ хотѣлось прикоснуться къ святой реликвиі, обладающей въ этотъ знаменательный день, по вѣрованію грековъ, исключительно чудотворной силой, а въ протянутую руку виновника торжества обильно сыпалась звонкая монета, что собственно и требовалось отъ набожно настроенной толпы.

Собравъ богатую контрибуцію, герой событія пригласилъ товарищей слѣдовать за нимъ и, захвативъ съ собою добытый съ морского дна трофей побѣды, направился къ ближайшему трактиру, чтобы обогрѣться тамъ послѣ холодной ванны. Это, надо полагать, далось ему вполне.

Кровавая расправа подъ волнами въ день крещенской церемоніи водосвятія разсматривается на турецкомъ Востокѣ, какъ самое обыкновенное явленіе, и не подлежитъ уголовной отвѣтственности.

Г л а в а III.

Дядя получилъ изъ Посольства 2-хъ мѣсячный отпускъ, и мы стали собираться въ Смирну на праздники карнавала.

Мнѣ было чрезвычайно грустно уѣзжать, не повидавшись съ Элиме и не узнавъ отъ нея хотя чего-нибудь, касающагося Тафтибея; но отъ этого приходилось отказаться, такъ какъ наши отношенія измѣнились вслѣдствіе того, что она считала себя глубоко оскорбленной въ лучшихъ своихъ чувствахъ „добросовѣстной свахи“, а меня виновницей неудавшейся комбинаціи, придуманной ею и рассчитанной на признательность влюбленнаго жениха. Такимъ образомъ, послѣдняя нить, за которую я еще надѣялась ухватиться, также порвалась въ моихъ рукахъ.

Почти наканунѣ отъѣзда я получила отъ нея совершенно неожиданно записочку съ такимъ содержаніемъ: „Я думала, что у васъ доброе и нѣжное сердце, но ошиблась: вы злы, какъ драконъ, и непостоянны, какъ вѣтеръ. То же самое говорятъ ханумъ, Лазя и Базя. Хотя турчанки, по-вашему, и коварныя созданія; но если ваша милость изволить пожаловать къ намъ сегодня же, то мы скажемъ вамъ, какъ и гдѣ найти то, что вы потеряли. Приходите же, а то пожалѣете. Ждемъ къ ужину. Преданная и всегда готовая „къ услугамъ“ Элиме“. Слова „къ услугамъ“ (*être utile*) она подчеркнула весьма старательно...

Горячая кровь волною хлынула къ сердцу, и письмо выпало изъ рукъ—намекъ былъ слишкомъ ясенъ, чтобы не понять его. Я замерла на мѣстѣ и широко раскрытыми глазами смотрѣла въ пространство, погружаясь въ дорогія воспоминанія тѣхъ мгновений, которыя никогда не забываются въ нашей жизни, а именно, перваго трепета любви и перваго поцѣлуя любимаго существа.

Исторія нашего взаимнаго увлеченія не подходитъ подъ шаблонъ обыкновеннаго романическаго эпизода съ неизбѣжной прелюдіей ухаживаній, намековъ и пр., что полагается въ такихъ случаяхъ по нашимъ европейскимъ привычкамъ. Все произошло иначе и какъ-то странно.

Однажды дядя и Магіе отправились за городъ на званый обѣдъ къ одному изъ коммерсантовъ, оставивъ меня одну дома. Прислуга также, пользуясь отсутствіемъ господъ, пошла прогуляться.

Я сидѣла въ пріемной на диванѣ и читала. Вдругъ постучались у параднаго хода, и сторожъ, дежурившій внизу, открылъ кому-то дверь. Вскорѣ послышались шаги, и ко мнѣ поспѣшно вошелъ конторщикъ консульства.

— Извините, mademoiselle,—застѣнчиво проговорилъ онъ,—пришелъ адъютантъ съ пакетомъ; ему доложено, что консула нѣтъ дома; но онъ настаиваетъ, чтобы вы его приняли и выслушали.

— Ну, конечно, просите сюда,—вспыхнувъ до корней волосъ, отвѣтила я,—быстрымъ движеніемъ оправляясь и вставая навстрѣчу Тафти-бею.

Онъ вошелъ блѣдный и видимо взволнованный. Какое-то необъяснимое предчувствіе подсказало мнѣ, что его посѣщеніе не имѣло дѣловаго характера, а было вызвано совсѣмъ другими побужденіями... Мы обмѣнялись привѣтствіями, и онъ усѣлся въ кресло недалеко отъ меня.

— Какая досада,—начала я, краснѣя и заикаясь отъ смущенія,—дяди нѣтъ дома...

— Знаю, знаю,—слегка улыбаясь, перебилъ онъ, оглядываясь по сторонамъ,—очень радъ: мнѣ именно съ вами надо поговорить серьезно, чтобы сегодня же было все рѣшено между нами—согласны? да?—Голосъ его вздрагивалъ и трепеталъ.

Тогда я окончательно растерялась и, кажется, хотѣла что-то сказать; но спазма въ горлѣ перехватила дыханіе. Такъ продолжалось нѣсколько мгновеній, въ продолженіе которыхъ мы оба молчали. Наконецъ, присутствіе духа вернулось ко мнѣ: я украдкой взглянула на него и похолодѣла; его удивительно красивые глаза съ затаеннымъ чувствомъ пылкой страсти нѣжно и задумчиво смотрѣли на меня.

— Такъ вотъ каковъ онъ?!—пронеслось въ головѣ,—ужъ не во снѣ ли все это?

Страсть заразительна, и меня также подхватила ея неотразимая волна; но тѣмъ не менѣе я не находила въ себѣ достаточно рѣшимости безповоротно отдать свою жизнь въ руки человѣка, про котораго шла недобрая молва, какъ о жестокомъ деспотѣ и самодурѣ, хотя послѣднее, думалось неволью, никѣмъ не могло быть серьезно провѣрено вслѣдствіе того, что семейная обстановка гаремнаго быта сама по себѣ слишкомъ замкнута и не доступна постороннему наблюденію.

Все это твердилъ разумъ, а въ сердцѣ еще сильнѣе разгоралась жажда любви и счастья, такъ какъ отдѣлаться отъ очарованія, навѣяннаго на меня этимъ плѣнительнымъ красавцемъ, я не могла и тянулась къ нему всѣми фибрами души.

Но отвѣчать надо было: онъ ждалъ и торопилъ меня.

— Послушайте,—раздался его какъ бы надломленный голосъ,— намъ могутъ помѣшать съ минуты на минуту... но вы дрожите— неужели я внушаю вамъ только страхъ?! Скажите просто и безъ колебаній: правлюсь я вамъ?—И съ ярко загорѣвшимся взглядомъ онъ пересѣлъ на диванъ рядомъ со мной, но такъ близко, что мой широкій, кисейный рукавъ платья запутался въ его аксельбантахъ.

— Какъ видите „кесметъ“,—указалъ онъ съ улыбкой на это обстоятельство и, привлекая меня къ себѣ, внушительно и настойчиво повторилъ:

— И такъ, спрашиваю еще разъ: правлюсь я вамъ?

— Да!—шевелинула я губами, не узнавая своего голоса и обви- лась руками вокругъ его шеи. Тогда мнѣ показалось, что мы оба полетѣли за облака.....

— Не кажется ли тебѣ удивительнымъ, звѣздочка моя,—спрашивалъ онъ, осыпая мое лицо горячими, какъ уголья, поцѣлуями,— что вотъ мы пришли сюда съ разныхъ полюсовъ земли, а стучимся вмѣстѣ въ двери рая? ну, какъ тутъ не вѣрить въ силу фатализма? вамъ, европейцамъ, конечно, это смѣшно, но, право, здѣсь есть что-то такое—однимъ словомъ, я думаю, что Магометъ правъ.

Что влекло его ко мнѣ такъ неудержимо—я не разбиралась въ томъ; но чувствовала, также, какъ и онъ, что жить намъ другъ безъ друга будетъ очень тяжело.

Мечтая о будущемъ, мы клялись въ вѣчной любви, забывая порой, что путь нашъ „къ раю“ былъ тернистъ и труденъ при тѣхъ крайне неблагопріятныхъ условіяхъ, которыя желѣзнымъ кольцомъ окружали насъ обоихъ. Но я увѣряла моего прекраснаго жениха, что никакіе законы на небѣ и на землѣ не оторвутъ меня отъ него, и это наполняло его сердце неизъяснимой радостью.

Общепринятое мнѣніе о томъ, что магометанинъ ищетъ въ женѣ только чувственныхъ наслажденій, не совсѣмъ справедливо: у него также есть свой идеаль подруги жизни, хотя, правда, не такъ высоко парящій въ облакахъ, какъ нашъ.

Встрѣча со мной, по его словамъ, открыла ему другіе горизонты и разбудила въ немъ твердую рѣшимость покончить съ прежнимъ порядкомъ жизни. Но чтобы жениться на мнѣ, надо было преодолѣть не мало препятствій и вырваться изъ тисковъ суровой воли отца, а главное могущественнаго воздѣйствія старшаго шейха, изувѣра и убѣжденнаго противника смѣшанныхъ браковъ мусульманъ съ христіанами.

Съ моей стороны также слѣдовало ожидать нѣкоторыхъ осложненій, и, такимъ образомъ, предстоящая намъ борьба за право лю-

бить другъ друга не обѣщала много шансовъ на успѣхъ. Но такъ или иначе, а надо было дѣйствовать и выйти изъ заколдованнаго круга. По своеобразнымъ условіямъ жизни въ мусульманскомъ мірѣ, намъ нельзя было открыто встрѣчаться въ обществѣ или прогуливаться вмѣстѣ, а потому прежде всего являлся вопросъ: гдѣ же въ такомъ случаѣ мы могли бы переговорить наединѣ о нашихъ дѣлахъ?

— Какъ и гдѣ намъ видѣться?—уныло повторялъ влюбленный, и прелестныя черты его лица вновь омрачились тяжелой тоской. Послѣ недолгаго раздумья онъ, видимо, нашелъ рѣшеніе задачи и радостно воскликнулъ:

— Чего же проще! завтра же приходи ко мнѣ въ гаремъ, а своимъ роднымъ ты скажешь, что я вмѣстѣ съ пакетомъ принесъ тебѣ словесное приглашеніе на обѣдъ отъ Фатимы—вотъ и все! тамъ мы условимся, какъ дѣйствовать и что предпринять для начала. Фатима, конечно, озаботится, чтобы намъ не помѣшали, да и сама не станетъ болтать—за это ручаюсь!..

Изумленію моему не было границъ:

— Какъ! что ты сказалъ—повтори?—спросила я, не вѣря своимъ ушамъ,—но... этого быть не можетъ: ни одна женщина въ мірѣ не согласится устраивать свиданія мужа съ соперницей—придумай что-нибудь другое...

— Ошибаешься, моя радость,—перебилъ онъ,—именно она съ великимъ удовольствіемъ и усердіемъ исполнитъ мое желаніе! да, наконецъ, я могу просто заставить ее, а иначе... И онъ чего-то не договорилъ.

— Ну, и нравы, нечего сказать!—расхохоталась я.

— А у васъ каковы?—послышался насмѣшливый голосъ,—ужъ объ этомъ лучше помолчи: посмотрѣлся я всего въ Европѣ!.. Однако, мы потеряли всякое представленіе о времени: кажется, пора уходить? Завтра увидимся? только, пожалуйста, не волнуйся—тебя примутъ, какъ богиню...

Долго оставалась я во власти разбуженныхъ и нахлынувшихъ воспоминаній о незабвенныхъ минутахъ нашихъ встрѣчъ въ гаремѣ подъ доброжелательнымъ надзоромъ отверженной жены.

Сначала такая обстановка тревожила мою европейскую совѣсть; но когда я достаточно ознакомилась съ міровоззрѣніемъ турчанки, то убѣдилась, что послѣдняя видѣла во мнѣ не разлучницу, а въ нѣкоторомъ родѣ даже благодѣтельницу, отъ которой она могла ожидать содѣйствія и давленія на ея супруга по вопросу о денежномъ вознагражденіи въ случаѣ расторженія ихъ брака, принципиально

уже рѣшеннаго. Конечно, я вся была къ услугамъ этой женщины и приобрѣла, такимъ образомъ, ея искреннее расположеніе. Какъ ни странно только-что рассказанное мною, но такова этика магометанки.

— Вотъ что, сокровище мое,—сказалъ однажды мой очаровательный женихъ,—если нельзя будетъ мирнымъ путемъ добиться осуществленія нашей мечты, то я переведусь въ балканскую армію или въ Салоники и увезу тебя съ собой.

Мнѣ понравилась перспектива романческаго бѣгства, и я легкомысленно отвѣтила, что пойду за нимъ хоть па край свѣта.

— Могу себѣ представить,—говорилъ онъ, раздражаясь,—чего только не наслушалась ты въ баняхъ и гаремахъ о моемъ характерѣ и жестокихъ привычкахъ?!—а затѣмъ, съ невыразимою нѣжностью продолжалъ:—зато я и обожаю тебя, что ты не испугалась и полюбила меня озлобленнаго, несчастнаго... Подумай сама, можетъ ли человѣкъ быть добрымъ, когда на зарѣ своей жизни онъ уже надѣлъ кандалы?

Я съ тревогой косилась въ сторону Фатимы, хлопотавшей обыкновенно здѣсь же, чтобы угостить насъ, думая уловить въ ея чертахъ выраженіе обиды, негодованія, ревности; но она, одобрительно улыбаясь, предлагала мнѣ шербеты, фрукты, или же старательно заправляла наргиле для мужа.

Мои частые визиты къ женѣ адъютанта губернатора стали казаться дядѣ и теткѣ очень странными, и они съ удивленіемъ спрашивали: что могло быть общаго между нами?

Тогда пришлось искать другихъ предлоговъ, лишь бы ускользнуть изъ дому и отправиться въ тотъ же гаремъ.

Изобрѣтательность моя по этой части не знала границъ фантазіи и не на шутку встревожила безхитростнаго, прямодушнаго турка.

— Однако, милая, прелестная гурія, изъ тебя вышелъ бы весьма не дурной дипломатъ: ты геніальна въ изворотливости и проведешь за носъ хоть кого угодно—женщина всегда останется женщиной, т. е. коварнымъ существомъ,—при этомъ нота острой ревности звучала въ голосѣ моего прекраснаго бая.

— Я намѣренъ, какъ и обѣщаль,—продолжалъ онъ, съ какимъ-то особеннымъ любопытствомъ всматриваясь въ мои черты,—устроить обстановку нашей жизни à la français; но предупреждаю заранее, что во всякомъ случаѣ нубійца-евнуха оставлю при себѣ, напри- мѣръ, въ качествѣ лакея... Мнѣ также не нравится твоя „тѣнь“,—неожиданно прибавилъ онъ, сдвигая брови, и на мой недоумѣвающий взглядъ отвѣтилъ:

— Кажется, не трудно догадаться: рѣчь идетъ о Мавро-Біязи и о другихъ поклонникахъ вообще, а потому убѣдительно прошу тебя, чтобы этого не было...

Конечно, между нами возникали порой маленькія недоразумѣнія, такъ какъ онъ рѣшительно не хотѣлъ понять, что не могла же я заставить европейскую молодежь приближаться ко мнѣ на общественныхъ гуляніяхъ только на разстояніи пушечнаго выстрѣла. Но всегда такія размолвки кончались тѣмъ, что мы оба усаживались рядомъ на диванѣ въ уютномъ гаремѣ Фатимы и, вновь веселые и страстно-влюбленные другъ въ друга, принимались строить воздушные замки, мечтая о нашемъ радужномъ счастіи.

И вдругъ все исчезло куда-то!!..

Въ корридорѣ слышались шаги. Я спрятала записку Элиме и приготовила отвѣтъ на могущій послѣдовать вопросъ. Дверь открылась, и вошла Marie.

— Сейчасъ только узнала, что тебѣ принесли письмо изъ гарема паши—въ чемъ дѣло? и она поискала глазами чего-то.

— Милая тетя,—съ дѣланнымъ равнодушіемъ отвѣтила я,— не помню, куда дѣлась записочка—всего двѣ строки: обижаются, что долго не была, и приглашеніе на обѣдъ. Если позволите...

— Ну, конечно,—перебила она,—и по-моему даже слѣдуетъ. Такъ одѣвайся же скорѣй и возьми Али проводить себя; но не задерживай его тамъ, а сейчасъ же верни обратно. Въ случаѣ засидишься долго, то тебѣ дадутъ Ибрагима, или же останься переночевать—впрочемъ, какъ знаешь сама. Кланяйся тамъ отъ меня и скажи, что постараюсь быть у нихъ передъ отъѣздомъ въ Смирну. До свиданія и съ Богомъ!

Я не заставила долго себя упрашивать, собралась очень быстро и отправилась въ конакъ, гдѣ меня ожидали съ величайшимъ нетерпѣніемъ.

Е. А. Рагозина.

(Продолженіе слѣдуетъ).

